

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 82-13(=512.157)

В.Л. Серошевский об эпосе якутов

Иванов В.Н.¹

В 1880-1892 гг. в Якутской области в политической ссылке побывал польский писатель и этнограф В.Л. Серошевский. В 1896 г. он издал монографию «Якуты. Опыт этнографического исследования» – энциклопедический труд по этнографии якутов конца XIX в. В нем он одним из первых обратил внимание героическому эпосу (олонхо) якутов, выделил его из жанров устного народного творчества, описал искусство олонхосутов (сказителей), предположил южно-сибирское происхождение якутского эпоса, отметил его общекультурное значение. Многие положения и выводы этнографа используются в якутском эпосоведении по сей день.

Ключевые слова: Якутский героический эпос (олонхо), исследования

V.L. Seroshevskii about the epos of Yakuts

Ivanov V.N.¹

In 1880-1892 the Yakut area in a political exile was visited by the Polish writer and the ethnographer V. L. Seroshevsky. In 1896 he published the monograph "The Yakuts. Experience of ethnographic research" – an encyclopedic work on Yakut ethnography of the late XIX century. In this work he was one of the first, who paid attention to the Yakut heroic epic (olonkho), allocated it from other folklore genres, described the art of olonkhosuts (storytellers), assumed the

Southern Siberian origin of the Yakut epic, noted its common cultural value. Today many provisions and conclusions of the ethnographer are used in the Yakut epic study.

Key words: Yakut heroic epic (olonkho), researches

¹*Доктор исторических наук, профессор, директор. Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, 677010. Dr. Sci. (History), Professor, Director. Scientific Research Institute of Olonkho of the North-Eastern Federal University in Yakutsk. Russia, Yakutsk, Kulakovskogo str., 42, 677010.*

E-mail: institut-olonkho@mail.ru

© **Иванов В.Н.**

Известный польский общественно-политический деятель, писатель, этнограф В.Л. Серошевский (1858-1945) прошел в 1880-1892 гг. суровую политическую ссылку в Якутской области. Местом жительства ему определили захолустный город Верхоянск – точка самой низкой температуры в мире. Суровый и жесткий по своему характеру, он не ладил с властями, предпринимал попытки побега из ссылки. Неоднократно подвергался административным наказаниям. Полицейские власти поэтому перебрасывали его с одного места жительства на другое. Так, он побывал в селении Андылах в Колымском округе, урочище Енгжу в долине реки Алазея. Еще в Верхоянске он женился на якутской красавице Анне, от которой у него родилась дочь Мария. В дальнейшем его перевели на р. Алдан, в Якутский Баягантайский наслег, а оттуда – в Намский улус Якутского округа. По его словам, он посетил селение Амгинское, Борогонский, Батурусский, Мегинский, Восточно-Кангаласский и Западно-Кангаласский улусы; совершил путешествие на лодке по Лене к устью р. Алдана. В 1892 г. по окончании срока ссылки его отправили в Иркутск.

За 12 лет своей ссылки Вацлав Серошевский многое узнал про Якутию, населяющие ее народы. Он впоследствии вспоминал: «Вскоре я собирал последние (рассказы и предания) уже ради них самих. Я нашел здесь своеобразную поэзию и много полезных научных сведений» [3, С. XXI]. Для этого в

первое время он пользовался услугами переводчика из среды казаков и знавших по-русски якутов, потом он с помощью жены Анны сам настолько узнал язык, что мог записывать самостоятельно.

Как известно, все эти материалы, написанные Серошевским, легли в основу его известной монографии «Якуты. Опыт этнографического исследования», изданной в 1896 г. в Санкт-Петербурге и удостоенной Золотой медали Императорского Русского географического общества. В монографии XV глав, посвященных самым различным вопросам этнографии якутов, начиная с географического очерка о крае и кончая характеристикой верований. Среди них глава XIV, названная «Народное словесное творчество», содержит наблюдения автора о песнях и певцах, содержании и форме песен, загадках и поговорках, былине «Сирягясь», слоге и манере, кэпсэне и олонхо. Примечательно, что олонхо отведено особое место в монографии, что свидетельствует о том, что он внимательно прислушивался к рассказам людей старшего поколения относительно особенностей якутского эпоса в сравнении с другими видами «словесного творчества» и о том, что как он понимал, что такое олонхо [3, С. XXI]. В данной статье предпринимается попытка определить вклад В.Л. Серошевского в изучение якутского героического эпоса – олонхо.

Предшественниками В.Л. Серошевского в записывании и изучении текстов олонхо были А.Я. Уваровский, А.Ф. Миддендорф и И.А. Худяков. Первый в своих «Воспоминаниях» включил отрывок из олонхо об Эр Соготохе, языком которого интересовался известный тюрколог О.Н. Бётлингк. Второй в 1843-1844 г. осуществил запись одного олонхо (главный герой Эриэдэл Меткий) – часть на русском, часть – на якутском языках. Третий – известный русский фольклорист И.А. Худяков, находившийся в 1867-1874 гг. в верхоянской ссылке в Якутской области, в своем «Верхоянском сборнике» (издан в 1899 г. после смерти его в 1875 г.) поместил текст большого олонхо «Хаан Дьаргыстай» и три небольших олонхо: «Старик Ураникаан», «Старик со старухой» и «Бэрт Хара» [2, С. 9-10]. Серошевский в той или иной степени знал эти публикации, особенно И.А. Худякова. Однако монография свидетельствует о том, что у него было достаточно много своего материала, добытого в результате встреч с самими олонхосутами и собственные наблюдения за устным народным творчеством. Примечательно,

что он довольно точно записывал содержание бесед с олонхосутами-сказителями и просто с теми, которые знали и понимали олонхо. Это позволило ему понять олонхо, как особый жанр устного народного творчества, его общекультурное значение в жизни якутов. Например, он сумел уловить отличие другого фольклорного жанра – кэпсээн от олонхо. Он писал: «Кэпсээн отличается от настоящих былин олонго большей краткостью, большей современностью и пошлостью сюжета, а также большей простотой языка» и он «не поется» [3, С. 588]. Это наблюдение Серошевского вполне соответствует действительности.

Сравнивая все известные и существовавшие в то время жанры якутского народного творчества между собой, а также с олонхо, В.Л. Серошевский сформулировал свое общее понимание о якутском эпосе: «Олонго – самая установившаяся и законченная из форм якутского народного творчества» [3, С. 588]. Очевидно, что он не раз присутствовал на представлениях сказочников-олонхосутов и других певцов. А, по его мнению, чтобы «уразуметь и оценить» устное народное творчество якутов», нужно прожить среди якутов долго и научиться понимать не только их язык, но и их мирозерцание и чувства» [3, С. 588]. Двенадцатилетнее его пребывание среди якутов подтверждает его правоту в этом наблюдении. И он в своей книге показал, что обнаружил понимание каждого из жанров народного творчества, в первую очередь олонхо, а через них «мирозерцание и чувство» якутов. А это – очень важно.

Создается впечатление, что Вацлав Леопольдович достиг в целом правильного представления о якутском эпосе, что видно из определения им содержания олонхо, которое не расходится с современным пониманием эпоса. Он писал: «Предметом в большинстве случаев служит повествование о приключениях, битвах, удачах и неудачах «богатыря», разъезжающего по белу свету в поисках «доли». Иногда он уезжает из дому, побуждаемый долгом, обязанностью родовой мести за сестру, брата, друга или отца, иногда отыскивает себе жену «среди иноплеменных», а иногда уезжает неизвестно почему. Так, без всякой видимой причины уезжает испробовать «крепость своих костей, силу мышц» [3, С. 588]. Современные эпосоведы не так далеко ушли от Серашевского. И.В. Пухов писал, что «основу олонхо составляют сюжеты о борьбе героев из человеческого племени айыы аймага против богатырей злого

племени чудовищ, называемых абаасы аймага» [2, С. 218], а Г.У. Эргис дал еще более лаконичное определение олонхо, как жанра, состоящего из «большого числа сказаний (поэм) о подвигах древних богатырей» [5, С. 181]. Как видно, эпосоведы-исследователи в принципе поддержали Серошевского; кажется даже, что польский этнограф более конкретно, реальнее определил содержание олонхо. Это – результат живого общения со сказителями, его неподдельного стремления к пониманию того, что такое олонхо, в чем его основополагающее содержание.

То же самое можно сказать и о том, когда Серошевский выделил главного героя в олонхо. Он правильно заметил, что «герою былины всегда придают титул батыр, богатыр или боготур» и он «наделен множеством необыкновенных качеств, добродетелей и редкой красотой» [3, С. 590]. Что интересно: он сумел проследить ход становления, развитие личности богатыря и выразить это в следующих словах: «в начале пути он обыкновенно легковверен, хвастлив, задорен, за что и платится. Только после тяжелых испытаний он возвращается на родину торжествующим победителем» [3, С. 590]. Действительно, почти в каждом якутском олонхо молодой человек проходит сложный путь, преодолевает огромнейшие трудности, совершая подвиги, только потом превращается в человека безмерной силы, стойкости и отваги, надежного защитника своих родовичей, людей Срединного Мира. В этом, конечно же, проявляется мудрость творцов народного эпоса, олицетворяющих глубокий ум, богатый жизненный опыт самого народа. Серошевский правильно приметил эту связь, и неслучайно оставил следующие строки: богатырь «называется в былине «резвым уранхайцем (неукротимый человек. – В.И.)», «любимым сыном Белого Господа Бога», «якутом (сахы) с белым прерывистым дыханием, ему принадлежат все симпатии слушателей и рассказчика» [3, С. 590]. Сравним такое понимание Серошевским главного героя олонхо с характеристикой, данной эпосоведом И.В. Пуховым, который считает, что герой олонхо «борется за счастье своего племени», он – «борец за счастье всех людей» «в подсолнечном мире»» [2, С. 33].

В.Л. Серошевский охарактеризовал и второго главного героя якутских олонхо, который предстает перед нами, как «абасы, злой дух необычайной величины, страшной наружности, злой, жестокий, хищный» и который противопоставляется

богатырю, совершающему подвиги для установления счастливой жизни в Срединном Мире. «Абаасы олонго – люди, враги якутов, - писал он, - они живут, как люди, борются с героями из-за обладания женщинами, грабят у них скот, владеют имуществом, домами и стадами» [3, С. 590-591]. При этом, наблюдая за действиями олонхосутов и шаманов, Серошевский высказал интересное наблюдение, что абаасы в олонхо «не нужно смешивать с шаманскими абаасы», т.е. эпические абаасы сродни людям, у них людские «душевные качества», но их олонхосут наделяет чертами злого духа только потому, что они – враги главного героя, богатыря; даже вооружение их «человеческое», но отличается от якутского тем, что оно «чужестранное». Не здесь ли Серошевский увидел, что в олонхо отражаются реальные человеческие отношения, олицетворяющие общечеловеческое понятие добра и зла? Добро представлено главным героем – богатырем (боотуром), а зло – демоном абаасы (злым духом). Именно борьба между ними представляла основной сюжетный конфликт олонхо [2, С. 220].

Другой вопрос, по которому В.Л. Серошевский оставил ценные наблюдения, это вопрос о языке олонхо. Много раз, прислушиваясь к языку олонхосутов, он точно определил, что «язык олонго дышит древностью», что этот язык принадлежал «к семейству тюрко-татарских». Язык олонхо, утверждал он вслед за И.А. Худяковым, также как язык песен и сказок, украшен «аллитерациями, вставками, повторениями». Эти вставки, повторения и «грамматические вольности» допускаются «ради стихотворного размера и усиления характерной черты». Но и здесь он обнаружил особенности: если личные особенности богатырей якутского эпоса очерчены бледно, характеры их однообразны, «зато природа описана там иногда неподражаемо, а подробности и внешняя отделка всякого события достигают истинно художественной чистоты и изящества». Язык олонхо много богаче разговорного и очень труден для перевода; это – от того, что «сказочный якутский язык отличается какой-то особой нарядностью, яркостью, щеголеватостью, он полон приставок и завитушек». И он заключает: «Стиль былин совсем особый» [3, С. 568-569].

Одна из встреч В.Л. Серошевского с олонхосутами произошла в г. Верхоянске в 1881 г. На этот раз он беседовал с известным сказочником Манчары, с которым встречался еще

И.А. Худяков. Надо думать, что он разговорил своего собеседника, который, увлекшись, хвалился перед ним, что «он знает такую олонго, которую можно рассказывать месяц» [3, С. 568-569]. Так, Серошевский получил важную информацию о размере олонхо, т.е. о том, насколько продолжительным может быть сказание одного олонхо. В наше время фольклорист Г.У. Эргис писал: «Слушание олонхо начиналось вечером и продолжалось до поздней ночи, иногда несколько вечеров подряд» [5, С. 184].

В.Л. Серошевский коснулся и вопроса о мастерстве сказителей олонхо. Правда, вопрос рассмотрен на общем фоне песенного творчества якутов, которым он очень интересовался и которое он высоко ценил. Побывав среди якутов в их домашней обстановке, а также на их общественных сборах, Серошевский собрал достаточно веский материал для того, чтобы утверждать, что «якуты любят пение», что у них «есть и настоящие песни, и настоящие певцы» [3, С. 569]. Наблюдая за ними, он заметил, что «якуты очень любят слушать хорошее пение, и певцы их, видимо, дорожат мнением слушателей» [3, С. 569]. Исполняли песню «единолично», но ему встречалось и «хороводное» исполнение. Последнее практиковалось и при исполнении олонхо – «якутской эпической песни». И он в качестве примера ссылается на исполнение «четырьмя зараз певцами» одного олонхо. Ему понравилось такое исполнение, которое, по его мнению, оказалось «куда красивее единоличного» [3, С. 569]. Он обратил внимание и на другой важный элемент эпического пения – на голос сказителя. Намские якуты ему говорили, что от пения сказителя «сохли деревья и люди теряли рассудок». И Серошевский так реагирует на эти слова: «Конечно, в этих отзывах много восторженности, но сознаюсь, что и во мне не раз своеобразные, поэтические образы якутских олонго, пропетые вдохновенным голосом, вызывали удивление... Иногда эти образы отчеканены в звучных стихах, украшенных богатейшими аллитерациями. Аллитерации эти, случается, рифмуются не только в начале, но одновременно и в конце стиха, и вся песня представляет как бы один непрерывный слиток созвучий, двойную нитку жемчужных слов» [3, С. 569]. Г.У. Эргис, отмечал, что в олонхо поются речи и диалоги и подчеркивает, что «песни разных героев передаются разным тембром, разным тоном, мелодии их также различны, при этом пение не сопровождается музыкальным

аккомпанементом. Так, мощным баритоном передают боевую песнь богатыря айыы, грубым басом напевают бахвальство абаасы, тонким голосом плачетки-абаасы, шепелявя докладывает парень вестник Сорук Боллур, причитает старушка Симэхсин Эмээхсин – комический персонаж олонхо» [5, С. 183-184]. От себя добавлю, что все это исполнялось одним человеком – сказочником, который умело управлял своим голосом, придавая характерную окраску звука пению каждого образа в олонхо. Именно здесь был заложен один из секретов мастерства исполнения сказителя. Заслуга Серошевского в том, что он обратил внимание на эту составляющую искусства олонхо, которая, казалось бы, самое простое, обычное слово превращал с помощью голоса в «жемчужное слово» эпоса.

В своей монографии В.Л. Серошевский затронул и другие вопросы эпического творчества якутов. Однако, вышеизложенное достаточно для того, чтобы понять, что он проявил неподдельный интерес к одному из значительных жанров якутского народного творчества – олонхо. У него сложилось определенное понимание этого жанра, которое вполне согласуется с мнением эпосоведов. Обобщая свои наблюдения, он писал: «Кроме голоса, фантазии, художественного чутья, якутский певец должен обладать громадной памятью, так как ему приходится помнить сотни тысяч стихов» [3, С. 573]. Действительно, олонхосут должен был помнить если не «сотни тысяч стихов» (т.е. строк), то несколько десятков тысяч, это точно. Например, олонхо Р.П. Алексеева «Алаатыыр Ала Туйгун» состоит из 49203 строк, а «Ньургун Боотур Стремительный» - свыше 36000 строк, и т.д. Возможно, олонхосут Манчары, с которым встречались И.А. Худяков и В.Л. Серошевский и который будто бы «хвалился» последнему, что он знает олонхо, которое можно сказывать месяц, действительно мог помнить «сотни тысяч» строк текста. И.А. Худяков удивлялся тому, как якут-олонхосут без конца может импровизировать на любую тему и, сравнивая размеры олонхо с «Илиадой и Одиссеей», писал: «И начинает сказочник «петь-говорить» целую эпопею, в которой упоминается множество событий, множество богов, дьяволов, героев, описания разных мест бывают чрезвычайно подробны до самых мелочей... Сами якуты иногда изумляются их длинноте» [4]. Не удивительно, что эти «длинноты» в конечном счете превращались в десятки и

сотни тысяч эпических строк из уст маститого сказителя. Так что и в данном случае Серошевский опирался на факты.

Таким образом, В.Л. Серошевский создал довольно реальную картину бытовавшего во второй половине XIX в. якутского эпоса – олонхо. Главное – он определил олонхо как самостоятельный жанр устного народного творчества якутов и описал его характерные черты, при этом он оставил такие наблюдения, которые в целом не противоречат современным представлениям эпосоведов об олонхо. Его монография «Якуты» была издана в 1896 г. и имела успех, она сразу стала известной широкому кругу читателей, специалистам-этнографам. Это означает, что уже тогда якутское олонхо стало известно всем тем, которые проявляли интерес к народному творчеству якутов. Даже такой критик книги Серошевского, как В.М. Ионов [1], не смог придаться к главе XIV книги «Народное словесное творчество», где содержались вышеприведенные наблюдения автора об олонхо и его связях со всем народным творчеством якутского народа. В.М. Ионов – крупный знаток якутского быта второй половины XIX в. И то, что он оставил Серошевского в покое в этом разделе его книги, говорит о том, что авторитет польского этнографа-исследователя в изучении якутского эпоса остается незыблемым. Главное – он был современником и свидетелем живого бытования якутского эпоса, «слушал и видел» живых творцов олонхо (сказителей) и, восхищаясь их искусством, оставил удивительно точное предсказание: «Что-то более крепкое, чем сами боги, лежит в основе якутской эпической драмы. Но это не рок, а скорее живая, деятельная человеческая воля» [3, С. 592]. И ныне эта «живая, деятельная человеческая воля» вырвалась на мировое эпическое пространство – 25 ноября 2005 г. якутский героический эпос олонхо по решению ЮНЕСКО получил высочайший статус Шедевра Устного и Нематериального Наследия Человечества.

1. Ионов В.М. Обзор литературы по верованиям якутов. Отд. оттиск. Якутск, 1915.

2. Пухов И.В. Якутский героический эпос Олонхо. Основные образы. М., 1962.

3. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993.

4. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969. С. 366.
5. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.

Рецензент – А.А. Борисов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН